
Праистория славян в «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини

DOI 10.31168/91674-483-5.30

Историк-иностранец, сумевший сказать свое слово в историографии, — редкий случай. Освоение чужой традиции взгляда на прошлое, необходимая степень отстраненности от привычных форм мысли родной культурной среды, овладение корпусом местных источников и исторических сочинений — все это особый опыт, не многим доступный.

Итальянец Александр Гваньини (1534–1614) родился в Вероне. В Польшу он приехал где-то в 1550-х или 60-х гг. в поиске найма на военную службу. Масштабные действия Ливонской войны предоставили ему возможность сделать хорошую военную карьеру, он даже командовал гарнизоном Витебска. Тогда в этой прифронтовой крепости встретились два крупных деятеля польской историографии — под его началом служил Матвей Стрыйковский (1547 — до 1594 г.), автор вышедшей в 1582 г. на латинском языке «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси». Судя по всему, основную роль в сборе материалов для Гваньини сыграл именно он. После публикации 1578 г. основного сочинения под авторством Гваньини¹ — латиноязычного

¹ Историография исследования Гваньини немногочисленна: *Ulewicz T.* Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950; *Radziszewska J.* Mcej Strykowski i jego dzieło // Strykowski M. O początkach... sławnego narodu Litewskiego, Żemojdzkiego i Ruskiego. W., 1978; *Jurkiewicz J.* Czyli to plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europaeae descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 67–93; *Купранець О.* Похождения назви «Русь» в Хроніці Олександра Гванінуса з 1611 року. Рим; Торонто, 1977 (Записки Чина св. Василя Великого (ЧСВВ),

«Описания Европейской Сарматии» — Стрыйковский выдвинул против него обвинения в плагиате. В результате королевский суд согласился с его доводами, и Стефан Баторий выдал грамоту, подтверждавшую авторские права Стрыйковского. Однако сочинение и позже издавалось под именем Гваньини, а в историографии вопрос его авторства остается очень спорным. Примечательно, что оно написано от лица поляка. Например, рассуждая о первопродке славян, он указывает: «нет ничего более определенного, чем то, что мы происходим от Иафета» (IX-2, 12)², или же, говоря о праотце Лехе: «Лех, наш предок» (III-1, 1). Возможно, автор не хотел создавать у читателя впечатление, что книга написана чужаком, иностранцем, но может за этим скрываться и идентичность реального автора.

В пользу оригинальности сочинения Гваньини говорит его совершенно иная структура и стиль изложения, а также прекрасная латынь, на которой оно написано³. Отличаются труды и по выдвинутым гипотезам, например, в них представлены совершенно разные этногенетические концепции происхождения славян. Польский исследователь Юркевич отмечал и иную задачу сочинения Гваньини, направленного главным образом на популяризацию исторических знаний о регионе («передача в привлекательной форме большого количества информации»⁴). Собственно, этой цели и удалось добиться, судя по многочисленным переизданиям на Западе. Описание истории

Серія II); *Ковальський Н.П.* Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972. Вып. 1; *Дячок О.О.* «Хроніка Європейської Сарматії» А. Гваньїні як джерело з історії України. Дніпропетровськ, 1992; *Козлова Г.Г.* Александр Гваньини и его сочинения // Гваньини А. Описание Московии. М., 1997; *Sielicki F.* Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawniej historiografii ruskiej // *Slavia Orientalis*. 1964. Т. 13; *Мицик Ю.* Вступ // Гваньїні А. Хроніка Європейської Сарматії. К., 2007. С. 5–32; *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII в. Новосибирск, 2009; *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010; *Прохоренков И.А.* Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku» // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 193–205.

² Сноски в тексте на: *Kronika Sarmacyey Europeyskiej... Przez Alexandra Gwagnina*. Kraków, 1611. Первая цифра (римская) — номер книги, цифра после дефиса — часть книги, цифра после запятой — страница.

³ *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII в. С. 171.

⁴ *Jurkiewicz J.* Czyli to plagiat? S. 91.

у Стрыйковского было подчинено иной цели, которая была связана с идейным запросом со стороны магнатории и шляхты Великого княжества Литовского, — создание истории «трех народов — польского, русского и литовского — в их неразрывной связи»⁵.

Нас будет интересовать другое издание — вышедшая в 1611 г. «Хроника Европейской Сарматии». Это очень сильно переработанное и дополненное (объем увеличен почти в два раза) «Описание». Не раз и весьма обоснованно высказывалось мнение, что большую роль в его написании сыграл переводчик Мартина Пашковский⁶. В любом случае, оригинальность этого сочинения не может быть поставлена под сомнение. Обе работы состоят из очерков о разных странах, но в Хронике к описанным прежде Польше, Литве, Пруссии, Ливонии, Московии и Татарии были добавлены главы с описанием Русской земли, Скандинавии и немецких княжеств, Греции, Валахии, Паннонии, Венгрии, а также Ближнего Востока с Персией.

Мир Гваньини состоит из народов, которые находились до недавних пор в постоянной миграции, причем все народы переселяются не на пустые, а на уже прежде обжитые земли (например: «на прежних сарматских землях живут татары» (I, 9), сами же сарматы вышли с Пафлагонии (I, 11)). Большое внимание уделено и персональным переселениям отцов-основателей современных государств, что даже получило у Гваньини теоретическое обоснование: «все мы от колена изгнанника происходим, потому что начала государств идут от изгнанников, как мы знаем» (I-2, 1). Границами расселения народов выступают крупные реки: за Вислой живут немцы, а Волга «отделяет москвитов от татар» (III-2, 22).

Вся обширная территория восточной части Европы, в соответствии с уже устоявшейся к тому времени историографической традицией, описывается под именем Сарматии и делится на части европейскую и азиатскую, граница которых пролегает по рекам Дону и Волге. Перечень народов Европейской Сарматии у Гваньини в целом соответствует предложенному в «Трактате о двух Сарматиях» у Матвея Меховского: там живут «поляки, русь, литва, мазуры, пруссы, поморцы, инфляндцы, москвиты, готы, аланы, волохи и татары, которые живут на этом берегу» Дона у Черного моря (I, 3). Западной границей Сарматии Гваньини, опять же в соответствии с Меховским, называет реку Висла, однако добавляет, что, по другому мнению, границей является река Одер (I, 3). Само слово «сарматы» или же «савроматы» он

⁵ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 307.

⁶ См.: Kuran M. Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012.

объясняет через греческие слова «саврос» (ящерица) и «омма» (око), то есть «жестокий народ с глазами ящерицы» (I, 7; то же I, 14 — «от глаз как у ящерицы»).

Для эпохи XVI в. важнейшим вопросом к истории был поиск предков современных народов, нахождение корней в Античности, в упоминаемых древними авторами народах и событиях. И в вопросе о происхождении славян Гваньини также следует основной идее польской историографии того времени, отождествляя их с древними сарматами. Эта традиция идет еще от Яна Длугоша, который писал о тождестве с сарматами поляков. Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» и Мартин Бельский в своей «Хронике всего света» отождествляли с сарматами всех славян. Своеобразный подход к этому вопросу находится у Мартина Кромера, пришедшего к выводу о наследовании славянами сарматского имени по причине заселения ими тех земель, на которых прежде жили сарматы⁷. Во многом именно это позволило Матвею Стрыйковскому считать славян потомками шестого сына Иафета Мосоха, лишь по имени наследующих роксоланам и всем сарматам⁸. Надо отметить, что сама мысль о наследовании славянами сарматского имени свидетельствует о том, что сама идея их отождествления могла казаться в то время уже привычной и традиционной.

Гваньини строго следует традиции полного тождества славян и сарматов, причем не только по имени, но и по происхождению: «происхождение сарматское, или славянское» (I, 6), «начало сарматов, или славян», «обычаи древнего сарматского, или славянского, народа» и т.д. Специальная глава посвящена происхождению «старого и воинственного сарматского народа, от которого поляки и все славяне берут свое начало» (I, 6). Гваньини пишет, что жители Европейской Сарматии хотя и имеют разные названия от старых историков, однако были объединены «славянским языком» (I, 11).

Язык является для него важнейшим критерием для определения народа, что проявлено в таких формулировках, как, например, «народ славянского языка» (I, 14). Земли славян расположены далеко друг от друга, «поэтому они пользуются разными языками, хотя все они одного славянского народа и одного славянского языка». Автор поясняет: «Так, московиты мало чем отличаются по языку от руси, а русь, в свою очередь, от поляков и мазуров. Но богемцы с хорватами уже больше» отличаются (I, 13).

⁷ См.: *Флоря Б.Н.* Славянский мир и его судьбы в раннюю эпоху его истории в произведениях представителей польской исторической мысли второй половины XV — начала XVI в. // *Славяноведение*. 2016. № 2. С. 3–20; *Флоря Б.Н.* «Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV — середины XVI в. // *Славянский альманах*. 2017. № 1–2.

⁸ *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии... С. 77.

Перед Гваньини не стояла задача определить единственно правильную версию генеалогии славян и сарматов, равно как и пути миграции их предков с прародины. Скорее он хотел привести разные сведения на эту тему. Предпочтительна, однако же, следующая версия: славяне ведут род «от Иафета, сына Ноевого, который через Иавана, и потом Элиза⁹ вместе с греками размножил славянский народ... их потомок Вандал, от которого берут начало вандалы, а уже они овладели польскими, русскими, кашубскими, чешскими, моравскими, славянскими, далматинскими, боснийскими, угорскими, хорватскими, болгарскими землями и там размножились» (I, 13). Так же и в другой главе: «Начало славянского народа идет от Иафета, сына Ноя. Он через Иавана, а потом через Элиза¹⁰ вместе с греками размножил славян на Ионийском и Эгейском море» (IX-2, 12). Фактически это пересказ версии Матвея Меховского¹¹, которая, в свою очередь, могла быть взята из «Богемской хроники» Дж. Мариньолы (XIV в.)¹². Однако Гваньини приводит и иные версии: «Другие же по-другому выводят генеалогию, доходя даже до Алана Второго, который пришел из Азии до Европы... У него было четыре сына, из них самый старший был Вандалус, от которого и река Висла была названа и от которого пошли вандалы. Этот Вандалус имел много сыновей, которые взяли себе польские, русские, кашубские, чешские, моравские, славянские, далматинские, боснийские, угорские, хорватские и болгарские земли» (IX-2, 12). Упоминание Вандаля как праотца поляков — старая традиция польской историографии, идущая еще от Хроники Дзежвы (нач. XIV в.), но здесь он представляется уже общеславянским предком. Отдельно Гваньини останавливается на версии о семитском происхождении славян (представленной в его же время в сочинениях Станислава Сарницкого), отмечая ее несостоятельность: «Другие хотят вывести славянский, или савроматский, народ от Ассармота, сына Эктана, пращура Арфаксата, который был сыном Сима... Но из этого следует, что Сим, а не Иафет был первым нашим патриархом, что противоречит мнению многих авторов» (IX-2, 12).

В вопросе о прародине славян Гваньини попытался совместить две основных версии миграций, которые были высказаны в польской историографии до него. Первая из них, связанная с легендой о братьях Чехе, Лехе и Русе, определяла прародиной славян Паннонию

⁹ «przez Belisze».

¹⁰ «przez Helisse».

¹¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 72.

¹² Мыльников А.М. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 2000. С. 23.

(в польской историографии эта легенда была пересказана еще в Великопольской хронике) и земли за Дунаем. Вторая была сформулирована современником Гваньини Мартином Кромером, который выступил против идеи о балканской прародине славян, усмотрев их прародину в Азиатской Сарматии, куда они попали (расселяясь, как и все народы, из Месопотамии) через Кавказ. И Кромер же обратил внимание на сведения у Иордана о булгарах, живших в Северном Причерноморье, а потому также могущих быть предками славян.

У Гваньини же мы находим описание сразу двух потоков миграций — и через Балканы, и через Кавказ, с последующей встречей и новым объединением славян. Славяне «вначале переправились через Дунай, Мизию, Паннонию, Фракию, Македонию, Истрию, часто воевали, а потом заселили весь Иллирик. За ними ж двинулись булгары, люди той же нации и языка, которые были названы так от реки Волги, на которой они жили» (IX-2, 13). И в другом варианте: «От сарматов пошли все славянские народы... Одни из них, как венеды, во главе с Антенором сразу после Троянской войны пошли в Иллирию. Другие же, как русь, со своим другим вождем Аланом, размножились тут, в Савроматии. Когда же они снова сошлись с этими иллирийскими народами, они смешали с ними свой язык и обычаи» (IX-2, 17). И тем не менее одна яркая версия славянской прародины, несомненно известная Гваньини, была им полностью проигнорирована — это версия Стрыйковского о расселении славян из «тех стран, которые сегодня Москва держит»¹³.

Булгарам Гваньини уделяет особое внимание. Они были «прозваны так потому, что селились на реке Волге и оттуда имеют свое начало, они подобны руси своими обычаями и славянским языком». Само отождествление имени булгар с Волгой содержалось еще в «Хронике всего света» М. Бельского, равно как и история их переселения на Воынь, так по их имени названную (эти же сведения есть и у Стрыйковского). У Гваньини дается четкое отождествление булгар с сарматами и указывается на их связь с русью: «Булгары-сарматы с Русью разбили трех константинопольских императоров» (I, 11). «Потом они захватили обе Мизии и назвали их по своему имени Волгарией. Другие из них подчинили русскую страну, которую по своему имени назвали Волинью» (I, 11). Фактически основным потоком славянского заселения Балкан у Гваньини все же обозначен именно болгарский: «Так, подчинив Мизию, булгары назвали ее своим именем Болгария. В то же время Малая Мизия была названа Сербиею сербами, или сорабами, тоже нашими людьми. А там, где была Либурия, там стала Босния, а где был Иллирик и Далмация —

¹³ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Królewiec, 1582 (по переизданию: W., 1846). Ks. IV, rozdz. 2. S. 97.

ныне Славония. Так, начиная от Турецкого моря вплоть до Адриатического, наполнили все края народом славянским так, что никого там нет, только везде славянский язык» (IX-2, 14). Как сказано в другом месте, славяне «так расширились, что удерживают почти половину Европы и половину Азии» (I, 14).

Гваньини дает довольно подробное перечисление славянских народов: «Наиболее могущественные и большие народы, которые говорят по-славянски, это: болгары, босняки, сербы, хорваты, иллирийцы, кармы, истры, рацы, далматинцы, бургунды (но они утратили славянский язык), штирийцы, поморцы, подоляне, волынцы, русь, молдаване, валахи, пятигорцы, черкесы, широко господствующая литва, кашубы, вандалы, силезцы, мораване, богемцы, чехи, поляки, мазуры, пруссы и другие» (I, 14). В этом перечне особенно заметно определение народов к славянам по чисто языковому критерию («говорят по-славянски»), пусть и не всегда адекватно приложенному.

При этом Гваньини разделяет славян на два типа — свободных и покоренных Турцией: «Одни из них турецкие подданные, а именно: мисы, болгары, босняки и некоторые другие народы, про которые мы тут упоминали. Но есть и народы, которые милостью Божией свободны и во всем признают христианскую веру. Это хорваты, далматинцы, паннонцы, славонцы, каринтийцы, чехи, мораване, силезцы, малые и великие поляне, мазуры, кашубы, сербы, русь, черкасы, поморцы, амаксоби, московиты, роксолане, волынцы, подоляне, полочане, а также литва, новгородцы, псковитяне, смоленцы, северяне» (IX-2, 15). Надо отметить, что определение ряда из перечисленных «народов», находящихся под властью московского царя, в качестве свободных было для польской мысли уже тогда спорным. Такое отношение к Московскому государству связано с осмыслением царской власти как тиранической, что утвердилось как раз во время Ливонской войны. Тем более спорным и нетрадиционным было признание православных как «во всем признающих христианскую веру».

Гваньини настаивает на причислении к славянам готов, ведь их «ни один народ, кроме сарматского, не может к себе отнести. Потому что готы с савроматами жили на протяжении долгого времени» (IX-2, 15). «Так или иначе, а они были сарматами. Потому что Скания и все северные народы относятся к Сарматии» (IX-2, 15). Впрочем, Гваньини пишет о том, что позже они стали испанцами: «Потом тамошние готы стали испанцами, которые не менее мужественны, славятся рыцарскими делами, как и сарматы» (IX-2, 17).

По вопросу об этимологии славянского имени у Гваньини в разных местах высказываются обе бытовавшие версии — и популярное в барочную эпоху возведение его к «славе», и более традиционное к «слову». «Потому что только тогда, когда наши люди начали нападать на Римское государство, когда все они объединились, тогда они

единогласно стали называться славянами от славы» (IX-2, 12). При этом в другом месте: «Как словаки от слова, так поляки от ровного поля или от охоты» названы (I, 13). Сами же поляки «свое название получили от страны и пустых полей, где теперь живут... прозваны поляками, потому что в каждой битве с врагом в поле встречались» (I-2, 3). Ляшское же имя представляется внешним: поляки «от Леха, первого князя и вождя польского», были «прозваны лехами Русью и другими славянами» (там же). При этом есть уже традиционное для польской мысли (идушее еще от Хроники Дзежвы и Яна Длугоша) отождествление поляков с вандалами, ведь «сарматы на Висле» были названы вандалами, что в этом месте объясняется не через праотца Вандала, а по имени реки (I, 9). При этом описывается, как они брали Рим и воевали в Африке (I, 10).

Интересно, что у Гваньини вообще нет темы первенства или превосходства поляков в славянском мире. Это сильнейшим образом отличает его от мощной польской историографической традиции, идущей еще от Кадлубека, Длугоша и др. Однако надо заметить, что и для современников Гваньини, польских историков XVI в., эта тема постепенно уходит из рассмотрения. Уже у Меховского нет восприятия тезиса Длугоша о руси как части польского народа, или же как о навечно поработанном им народе. У Стрыйковского же вообще версия происхождения славян может быть названа москвоцентричной, так как их основным праотцом признается Мосох, отождествляемый с Москвой. Примечательно, что у Гваньини вообще не находится этой версии славяно-сарматской генеалогии (Мосох упоминается им только как прародитель народа москвы).

Особое внимание Гваньини уделял дружественным отношениям поляков с немцами. Обращаясь к традиции обозначения общего предка немцев и славян праотцом Туисконом, он специально подчеркивает родственность связей: «поляки и богемцы, или же чехи, родичи немцев». Вообще Гваньини свойственен максимально позитивный настрой к немцам. Он описывает, как предки поляков сарматы «размножились и стали расселяться от нижнего Дона на Молдавию, Русь, Литву, Пруссию и Инфляндию», на Вислу (Вандалус), где «сразу как они пришли, то приняли товарищество и дружбу старого немецкого народа» (I, 8), и жили вместе с «тевтонами, то есть немцами, своими товарищами» (I, 9). Гваньини описывает коронацию Болеслава Храброго императором Оттоном Третьим, за почтительное отношение к мощам св. Войцеха освобожденного им от «всяких повинностей вроде дани и подданства, которые надлежало платить римским императорам и которые прежде все христианские короли и князья отдавали императорам. С этого времени польские короли свободны от этого подданства» (I-2, 29), а в знак дружбы император отдал за Болеслава свою племянницу Ришку, дочь русского воеводы.

Примечательно, что история отношений славян с итальянцами в сочинении не описана.

Особенно интересны представления Гваньини о руси, расселение которой он видит гораздо шире, чем было принято. Вслед за Меховским и Кромером он видит предков руси в роксоланах, полностью их отождествляя: «После вандалов из тех же сарматских стран от реки Дона и Меотийского озера происходит другой жестокий народ... его называют роксоланами, руссами и русью» (I, 11). «Роксоланы, или же русь» (I, 11), «роксоланы, потомки которых называются теперь русаками» (I, 14), а «Русскую землю издавна зовут Роксоланиею». (III-2, 13). Гваньини излагает следующую версию происхождения названия «роксолан»: «Аланы были так названы от Алана, вождя савроматского народа... Потом они объединились с русью и стали называться роксоланами, то есть русь и аланы» (IX-2, 15). Предком руси оказывается и Вандал: «из всего видно, что это, очевидно, был один народ: вандалы и аланы» (IX-2, 15), при этом «русь происходит от вандалов» (I, 10).

Рассуждая о происхождении имени руси, Гваньини перечисляет несколько версий, останавливаясь на предпочтительной: «скорее всего, русь имеет свое имя от рассеяния» (III-1, 1, см. также I, 13). И объясняется это имя очень широким расселением руси, вплоть до Средиземного моря: «Потому что этот народ расселился по миру, наполнив собою большую часть Европы и Азии, широко обитает от Ледовитого океана аж до Средиземного моря и Адриатического полуострова, от моря Эвксинского аж до Балтийского океана» (III-1, 1). Фактически русь при таком подходе почти что отождествляется со славянами, или по крайней мере большей их частью. Такое тождество можно увидеть и во фразах: «Одни этот народ роксоланами, другие славянами называют» (III-1, 1); «их потомки говорили на своем первом славянском языке, который родной для сарматов, то есть для руси» (I, 16).

В число русских народов попадают и ряд других, применение русского имени к которым вряд ли можно считать традиционным, например: «валахи, молдаване и другие русские народы» (I, 14). Это и хазары (князь Святослав выступил против хазар, которые «тоже были русского народа» (III-1, 3)). Упоминаются Гваньини и казаки: «Слово “казак” татарское, но казаком называется русь» (IX-2, 15).

При этом мы не находим ни отождествления руси с поляками (в качестве части польского народа), как это описано у Длугоша, ни упоминания гипотезы об общеславянском праотце Мосохе, как у Стрыйковского. Польша и Русь разделяются и как народы, и как страны, хотя признаются и сарматами, и славянами: «эти стародавние сарматы, или словаки, и те, что в Польше, и те, что в русских странах» (I, 16). При описании сейма, на котором избрали «славного Крака»,

Гваньини специально оговаривается, что Крак был «большим другом чехам и руси, поэтому они подчинились его власти» (I-2, 8).

В пересказе Гваньини легенды о славянских братьях есть только Чех и Лех («внуки Иована»), но нет Руса. Он рассказывает о князьях Лехе и Чехе «из Иллирии, хорватской земли», пошедших в немецкие страны ок. 550 г. О Русе он при этом не говорит ничего (I-2, 2), не упоминается Рус и в латинской первой редакции «Хроники». Однако в третьей книге издания 1611 г. находится обоснование такого изъятия Руса из братства с Чехом и Лехом. Рассуждая опять же об имени Руси (страны), Гваньини пишет: «Старые хронисты считают, что она так названа от Русса, внука Леха (в данном случае излагается версия Длугоша. — *О. Н.*). Но так не может быть, потому что Русь намного старше, чем когда Лех, наш предок, сюда пришел. Возможно, что этот Русс, Лехов внук, владел Русью. Но Русь так прозвана была еще до того» (III-1, 1). Так Гваньини убирает Руса из легенды, так как видит Русь более древней страной, чем основанные Чехом и Лехом. Надо отметить, что рассказ о трех братьях, появившийся в польской историографии еще в Прологе к Великопольской хронике, использовался тогда учеными как раз для определения старшинства в семействе славянских народов. И в данном случае мы видим, как, убирая Руса, автор в то же время определяет за Русью историческое первенство. Как пишет Гваньини: «этих роксоланов мы находим еще задолго до Рождества Господнего» (III-1, 1), а не в эпоху «константинопольского императора Константина III и папы Иоанна IV», к которой относится переселение Чеха и Леха.

Отдельно стоит остановиться на различии руси и москвы. Как и во многих других сочинениях того времени, мы имеем довольно противоречивый материал, свидетельствующий, с одной стороны, о различии автором двух народов (руси и москвы), а с другой стороны, об их отождествлении. Так, в описании Москвы Гваньини нередко употребляет русский этноним: «таинство святого крещения у руси», «как русь понимает Чистилище» и т.д. (VII-2, 26).

Автор описывает тройное деление Руси, актуальное для польской мысли скорее еще до Люблинской унии: «Существует три Руси: одна — Белая, другая — Черная, третья — Червонная. Белая около Киева, Мозыря, Мстислава, Витебска, Орши, Полоцка, Смоленска и Северной земли, она издавна принадлежит Великому княжеству Литовскому. Черная Русь расположена в Московской земле около Белого озера и там простирается до Азии. Червонная лежит при горах, называемых Бескидами. Ею владеет польский король», а в городе Львове «находится голова всей Русской земли, которая принадлежит Короне Польской» (III-2, 14). Впрочем, локализация Белой и Черной Руси, не устоявшаяся для того времени, нарушается даже в самом тексте Гваньини (см. VII-1, 1). Причисляются к руси и новгородцы:

«Княжество Великого Новгорода было наибольшим из всех других русских государств и провинций» (VII-1, 10).

Однако почти во всех перечислениях русь и москва упоминаются наравне друг с другом как разные народы. «Река Днепр названа так москвой и русью от одного села в Москве, которое называется Днеперско, там она имеет свой исток» (VII-1, 9). В одном месте Гваньини специально останавливается на описании соотношения москвы с русью: «Московский народ вначале был незначительный и малочисленный. Он происходит с Руси. Но теперь, после овладения русскими княжествами и провинциями, отчасти из-за близости к ним, отчасти силою, а отчасти предательством, очень расширился. Следовательно, эта могущественная монархия может считаться наибольшею империей» (VII-1, 1). Однако «происхождение с Руси» представляется не очень ясной формулировкой (имеется в виду территория исхода или племенная общность?).

Еще выразительнее различие руси и москвы становится при описании московской генеалогии. Столь важная тема для Стрыйковского полностью отсутствует в латиноязычном «Описании» Гваньини, но добавлена в тексте «Хроники». Автор признает происхождение москвы от Мосоха: «Москва взяла свое имя от Мосоха, сына Иафета, а лежит она в середине Белой Руси» (VII-1, 1). Однако история потомства Мосоха оказывается гораздо более сложной. В перечислении сарматских народов среди бургандов, печенегов, русов, аланов и др. упоминаются и «mosski», жившие там, «где ныне поселились московиты и от которых названа вся московская монархия» (I, 11-12). Таким образом, происхождение московитов связывается с народом каппадокийских москов, потомков Мосоха. Так, в другом месте Гваньини пишет: «Московская столица перед тем была в Каппадокии, что находится недалеко от Сирии, следовательно, этот народ хорошо известен евреям» (VII-2, 72). При этом никаких упоминаний о Мосохе как праотце руси у Гваньини не находится.

Впрочем, тема переноса русских столиц вновь возвращает к общности руси и москвы. Так, Гваньини пишет о Владимирском княжестве: «Это княжество возникло при Владимире Великом, монархе всея Руси, который этот город основал и назвал в свою честь. Он был столицей всей Руси вплоть до времени Ивана Даниловича сына, великого князя московского, который оттуда перенес столицу до Москвы» (VII-1, 5-6). В другом месте: «Когда-то был один митрополит, который имел свою столицу в Киеве, главном русском городе, потом она была перенесена во Владимир, а в конце концов в Москву» (VII-2, 22). Таким образом, Гваньини воспроизводит московскую традицию описания переноса государственного и церковного центра из Киева.

Снова различие руси и москвы можно усмотреть в описании истории крещения Руси. В одном месте говорится, что «вся Русь

приняла христианскую веру греческого обряда один раз в 942 г. ... во время правления княгини Ольги и ее сына, русского монарха Владимира. С того времени и до наших дней (русь) бережет свою веру» (VII-2, 22). А несколько позже в той же книге о московском крещении: «Потому что в веру Господа Христа москва была обращена греками только в 981 году» (VII-2, 72). Так или иначе, в сочинении Гваньини заметна склонность к отделению москвы от руси, в чем автору помогает максимально узкое прочтение сюжета о праотце Мосохе — прямо противоположное мнению его товарища по витебскому гарнизону Матвея Стрыйковского.

В целом труд Гваньини можно признать очень гармоничной частью польской историографии того времени, и вряд ли в нем можно найти что-либо, что свидетельствовало бы об особом влиянии итальянской историографической традиции или о привнесении из нее каких-то новых сюжетов и взглядов. Возможно, это является аргументом в пользу того, что настоящим автором был не Гваньини. Однако большие противоречия в исторических трактовках с сочинениями Стрыйковского также заставляют усомниться в версии его авторства.